

ЛИНГВИСТИКА

Н. Б. Вахтин

«ЯЗЫКОВАЯ СМЕРТЬ» В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МАРКОВСКОГО ГОВОРА¹

Данная статья посвящена описанию и интерпретации одной, на взгляд автора, нетривиальной языковой ситуации. Описываемый случай показывает, что метафора «языковая смерть» (Вахтин 1998) слишком неточна, чтобы ею можно было пользоваться при анализе сложных социально-языковых процессов. Речь пойдет о местном говоре села Марково, расположенного в среднем течении реки Анадырь на Чукотке, — говоре, который странным образом «не жив и не мертв».

В социолингвистике существует понятие *жизнеспособности языка* (linguistic vitality) — величина, которую рассчитывают, исходя из объективных характеристик языковой ситуации, таких, как число носителей, наличие школьного преподавания на данном языке, наличие СМИ на данном языке и т. п. Известно также, что субъективная, *воспринимаемая жизнеспособность языка* (perceived linguistic vitality), то есть мнение его носителей о перспективах сохранения языка, часто входит в противоречие с объективными данными и оказывается для реального прогнозирования судьбы языка гораздо важнее. Объективные характеристики какого-либо языка — такие, как малая численность его носителей или отсутствие поддержки со стороны школы, церкви или прессы, — могут подтолкнуть исследователя к выводу о неспособности этого языка соперничать с другим, более сильным, и заставить предсказать его скорую гибель; однако если сами носители языка считают, что их языку ничто не угрожает, тогда и при неблагоприятных внешних («объективных») условиях язык может существовать неопределенно долгое время: несмотря на все «объективные» сложности, люди будут просто продолжать разговаривать на нем.

Похоже, что в области «языковой смерти» и языкового существования также можно говорить о том, что объективное существование языка и его воспринимаемое существование (perceived existence) не обязательно совпадают. Язык, который для внешнего наблюдателя может показаться мертвым, с точки зрения языковой общности может счи-

таться живым — в том случае, если он продолжает выполнять в этой общности определенные функции.

* * *

Контакты русских с местным населением крайнего северо-востока Сибири имели результатом разнообразные, часто противоречивые формы взаимодействия. Это верно не только для последних семидесяти лет, но и для всего предшествующего периода: коренное население крайнего северо-востока Сибири испытало сильное влияние русских колонистов, впервые пришедших в этот район² в середине XVII столетия. Менее известен обратный процесс — влияние коренного населения на русских переселенцев.

Интенсивный приток в этот район в 1640–1670 годах русских промышленников, двигавшихся на восток в погоне за главным богатством края — пушниной, начал к 1670-м годам затухать. Популяции песца оказались во многих районах уничтоженными, и правительство закрыло эти районы для охоты. Многие русские уехали, однако часть их осталась, ушла еще дальше на северо-восток, осела там, смешалась с местным населением и образовала то, что мы теперь называем русскими старожильческими поселениями, или смешанными культурами, или креольскими общностями (см.: Бахрушин 1927; Биркенгоф 1972; Богораз 1899; Браславец 1968а; Буцинский 1889; Гондатти 1897; Гурвич 1966; Дьячков 1893; Зензизов 1914; Каменецкая 1986; Майдель 1894; Маргаритов 1899; Олсуфьев 1896; Скворцов 1910; Сокольников 1912; Шаталов 1978; Шкловский 1892).

Помимо прочих результатов, русская колонизация Сибири породила, таким образом, довольно большое количество мелких общностей, смешанных в языковом, культурном и этническом отношении. Территория этих общностей распространялась от западных границ Якутии («затундренные крестьяне») до Камчатки на востоке и до реки Ангары и озера Байкал на юге. Наиболее известные центры — поселки Русское Устье на Индигирке, Походск и Нижне-Колымск на Колыме, Марково на Анадыре, Гижига и Ола в современной Магаданской области, Пенжина, Слаутное и другие на северной Камчатке. Эти поселки были тесно связаны между собой в экономическом, культурном, языковом и родственном отношении, практиковали регулярный обмен товарами, людьми и информацией и составляли в каком-то смысле единую культуру.

Настоящая статья посвящена языковой стороне вопроса применительно к одному из этих поселков — именно поселку Марково, хотя другие материалы будут по мере необходимости привлекаться для сравнения. Материалом для данной статьи послужили как литературные источники, так и материалы, собранные в Анадырском окружном архиве и в селе Марково летом 1998 года³.

Марковский говор

Несмотря на обилие литературы по Маркову и марковчанам, их язык описан существенно хуже, чем языки «индигирщиков», колымских русских или камчадалов. Насколько мне известно, литература, содержащая материалы по марковскому говору, ограничивается четырьмя названиями (я не беру здесь в расчет старые публикации, вроде работ Н. П. Сокольниковой, А. В. Олсуфьева или книги А. Е. Дьячкова, в каждой из которых приводится по несколько характерных слов марковского говора). Краткие диалектологические замечания приведены в знаменитой книге А. М. Селищева, который опирается на данные, собранные Н. П. Сокольниковым. В начале 1960-х годов магаданский исследователь Г. В. Зотов опубликовал полевые материалы по этому говору, включающие фонетическое описание говора и несколько текстов. В 1968 году вышла статья К. М. Браславца, в которой он, опираясь на работы А. М. Селищева и Г. В. Зотова, рассматривает особенности этого говора и добавляет собственные полевые данные, собранные в Маркове; и, наконец, через несколько лет тот же К. М. Браславец публикует несколько коротких текстов на марковском говоре (Селищев 1921; Зотов 1963; Браславец 1968б; Браславец 1975).

Все исследователи едины в том, что основным диалектным источником той части лексики марковского говора (и других аналогичных говоров Севера), которая имеет русское происхождение, были говоры северных областей Европейской России: олонекский, архангельский, новгородский, псковский. Действительно, анализ списка слов «марковского говора», полученного в экспедиции 1998 года (ниже о происхождении этого списка и о его особенностях будет сказано подробнее), показывает, что подавляющее число слов русского происхождения имеют «северные» диалектные параллели. Конечно, невозможно убедительно разграничить «северные русские слова» и «общерусские слова», однако тот факт, что в многотомном Словаре русских народных говоров подавляющее число марковских слов либо помечены только как «северные», либо зарегистрированы в том числе и в северных районах, имеет, видимо, определенное значение. Например⁴:

баить 'говорить, разговаривать' | СлРЯ XI–XVII баять: ворожить XI; рассказывать небылицы XV–XVI; говорить, болтать XVII; СРНГ баянье 'разговоры, сплетни, рассказы' *арханг.*

биток 'заплетная посуда или корзина для переноски ягод' | Даль: *камч.* < битка *псковск.* 'набирочка для ягод'; СРНГ *сиб., камч., якут.*

вракун 'враль' | СРНГ *вракать олон., новг., сев.*

гальтися 'насмехаться' | Даль: *северн. гальтися* 'изгаляться, насмехаться'; СРНГ *арханг., олон., печор., тж. вост. - и зап.-сиб.*

глыза 'комоч, камень' | СРНГ *волог., арханг., новг.*

голк 'шум, звук' (напр., выстрела) | СРНГ *арханг.* и много *сиб.*

- девья** 'хорошо, верно, правда' — как ответ на 'Хорошо спели!' — *Девья!* | СРНГ дивья нареч. 'хорошо, легко, привольно' — *волог., новг., пск., олон.* и др.
- залехтилась** 'запыхалась' | СРНГ залехтеться 'запыхаться' — *арханг., волог., заурал., сиб.*
- карбас** 'большая лодка на несколько человек' | Даль: *арханг.* беломорская лодка > *сиб.* большая лодка; СРНГ *арханг., олон., печор., мурм., олон.* > *сиб.*
- копоть** 'пыль' | СРНГ 'пыль' — *арханг., волог., др. сев.* > *сиб.*
- курма** 'кофта с длинными рукавами' | ср. Даль: курма *арханг., олон.* 'рыболовное устройство на быстрине: сеть мешком, матнею, укрепляемая на кольях'; СРНГ дает курма в том же значении для всей Сибири, а также курма 'рыболовный снаряд — сооружение из толстых кольев, к которым прикреплена сеть' — *беломор., арханг., олон., волог., новг.* [перенос по форме?]
- лихо** 'хочется спать' | СРНГ лихо 'лень' *арханг., олон., печор.*; 'скучно' *волог.*, 'хочется спать' *арханг., новг. и др.*
- напроход** 'сразу' | СРНГ 'быстро, скоро, без остановки' *арханг., волог.*
- парка** 'женская курлянка с капюшоном из неблюя' | СРНГ парка 'верхняя одежда из двух предметов' *пск.*, 'материя на сарафан и кофту' *пск.*; и тут же СРНГ дает парка 'верхняя меховая одежда свободного покроя без разреза спереди' *камч., сиб., якут., иркут. и т. п.*

Встречаются и слова, имеющие общерусские параллели, ср.:

- батьа** 'брат (старший?)' | Даль: «батьа может означать брат, братка, приятель»
- беднится** 'обижается' | Даль: нет такого значения; есть 'жить бедно, приbedняться'; СРНГ 'бедниться ... 2. жаловаться на к.-л., обижаться' — *арханг., сев.-двин., волог., пск., смол.*
- взаболь** 'правда' (вар. *заболь, забуль*) | СРНГ *взабыль* 'истинно, в самом деле' *пск., новг.* и др.; *взаболь* 'то же' *ряз., твер., смол., пск., новг., арханг., олон., волог.*
- дева** 'обращение к молодой женщине, девушке'
- дедюса** 'дедушка' (вар. *дядюса*)
- кай быть** 'кое-как, как-то, нормально'
- колтуны** 'части рыболовных снастей' | Даль: колтун 'болезнь волос' > колтушка 'висюлька, подвеска'
- крыльца** 'лопатки'
- летник** 'рыбалка, место летней рыбалки'
- лыва** 'лужа' | Даль: лыва 'лужа' | СРНГ *все р-ны*
- нагисная** 'голая' | СРНГ нагиш 'голый' *арханг., перм. и др.*
- недоросль** 'короткошерстная шкура оленя'
- постель** 'большая толстая оленья шкура'
- родник** 'родственник' (мн. ч. *родники*) | Даль дает родник как *вятское* слово
- столетница** 'разделочная доска'

Практически все коренные жители Маркова убеждены в своем происхождении от «казаков» — русских первопроходцев, или, как их называют в селе, «дежневцев». Однако на весь лексический список удалось

обнаружить единственное слово, помеченное в СРНГ как «казачье», а именно «донское»:

охриянка ‘грязнуля’ | Даль охредь ‘неопрятный человек’, охреян *перм., вятск.* ‘лентяй, неотесанный, неуклюжий’, *пск.* охрюта; СРНГ охрёпа, охреян ‘неряшливый, грязный человек’ *сиб., якут., донское*

Наконец, некоторую часть списка составляют заимствования из языков коренного населения этих мест — юкагирского, эвенского, якутского. Некоторые из этих заимствований легко опознаются, относительно других пока ничего нельзя сказать. Примеры:

1. Источник заимствований можно предположительно установить:

акка ‘старшая сестра’ | ср. *эвен.* акан ‘старший брат’; *юкаг.* экэа ‘старшая сестра’, *эвен.* экэн ‘старшая сестра’⁵

алык ‘ремни собачьей упряжи’ | Даль: *сиб., арханг.* алак, алык, алок, аляк с тем же значением; СРНГ *ненец.* алак

ама ‘мать’ | СРНГ ама ‘мать’ *колым., якут., ср. эвен.* ама ‘отец’ (обращение)

арге ‘грязно’ // ‘Дишонки, то-то вы худо выкопали сёлки. Арге!’ — то есть грязные щели в полу’ | СРНГ <? аргал, *бурят.* аргал, *монг.* аргал ‘сухой навоз, кизяк’

аут ‘скребок’ | Даль: *камч.* ‘скребок’ < *татар., вост.-крым.*

бурдук ‘то же, что *затуран* — так говорят жители с. Ламутского’ | Даль: любимое якутское блюдо, кисель из квашеного раствора ржаной муки; СРНГ *якут.* бурдук ‘мука’

истык ‘икра в пленке’ | ср. *якут.* истээх ‘непотрошенная рыба’

калипляки ‘нарядные женские сапожки из ровдуги’ | СРНГ *только сиб., камч., якут.* Богораз: «из *чукотского* кэлилин плек’ыт ‘вышитая обувь’. В форме *калиплики*, в значении ‘выделанные и вышитые кожаные и меховые вещи’, зафиксировано в 1853 году в Гижиге путешественником фон Дитмаром

култык ‘запястье, кость’ | < *якут.* култык ‘конец’: *индигир.* бескултышный ‘бесконечный, докучливый’ — из *индигир.* култык ‘глухой конец залива’: *колым.* култук ‘конец, завершение’ (по данным А. Е. Аникина — из *тюрк.* култук, култык ‘залив’; Аникин 1990), встречается и на Камчатке: в значении ‘залив, бухта’ зафиксировано еще в 1810 году В. М. Головиным в качестве ‘камчатальского слова’ (Головин 1861)

урун ‘топчан, на котором спят’ | ср. *якут.* орон ‘общее название спальных мест’

харен ‘жалко, жаль’ | Богораз дает харын, харэн «из *якутского*»

хатагосы ‘части рыболовных снастей’ | ср. *якут.* хатыллаҕас ‘закрученный, свитый’

чеканить ‘мочиться’ | из *эвен.*, ср. *эвенкийск.* чикамна ‘мочиться’

чувал ‘очаг, печь из кирпича и прутьев, обмазанная глиной, с круглым зевом, без дверцы’ | Даль *татар.* очаг (у татар, башкир, якутов, горских народов)

щерба ‘рыбный бульон’ | Даль *татар., сев.-вост., воронеж., тамбов.* шурба ‘уха из мелкой нечищенной рыбы’

юрта ‘поленница дров’ | Даль *татар.* юрт ‘владение, область, земля’, юрта ‘кочевой шалаш’ (< *монг.*)

2. Источник заимствования не установлен или сомнителен:

абуска ‘поцелуй’ | СРНГ — **нет**

бивольник ‘маленький биток для сбора ягод, крепится на поясе’ | СлРЯ XI–XVII бивол, бывол ‘буйвол’ — ? | СРНГ — **нет**

ветка ‘долбленная лодка, полегче, чем каюк’ | Даль: *сиб.*

гавуня ‘много пьет чаю’ (именно такой перевод был дан информантами) | возможно, < Даль: *псковск.* гаваниться ‘нежиться’ или от гаведь ‘неуч, разиня’; СРНГ гаведь ‘гадость, пакость’ — *олон., арх.*

дунчит ‘стучит’ | СРНГ дунтеть, дунчить — *колым.*, — возможно, *якут.*

ёглыски ‘ласкательное слово («это жалееет»)’ | СРНГ — **нет**

кепля 1. ‘кета без костей — одна из трех пластин, получающихся при разделке, 2. так говорят об очень пьяном («размазня?»)’ | Даль: *кеп зап.* ‘дурак’, *кепый смоленск.* ‘хилый, дряхлый’; СРНГ *кеп* ‘бьющая (свободно болтающаяся) часть цепа’ *пск., новг.*; ср. жарг. *накепать* ‘побить’

китем? ср. *китем многогетеванный* ‘тот, кто много пьет или много ест’ | ? СРНГ *кита*₁ ‘пук, связка, плеть вьющегося растения’ — *все р-ны*; *кита*₂ ‘род хоровода’ *яросл.*, *кита*₃ ‘хлопоты, суета при наплыве гостей’ *яросл.*, *кита*₄ ‘мокрый снег, прилипающий к одежде’ *волог.* Ср. *якут.* *кичэй* = ‘усердствовать’

командерво ‘скребок чукотского типа для выделки шкур’ (длинная рукоятка со вставленным в середину острым камнем) | сами жители утверждают, что это — от *камень-дерево* | СРНГ — **нет**

куйло ‘овраг, заполненный водой’ | СРНГ — **нет**

лауты ‘длинные, выше колен, торбаза из нерпы’ | СРНГ — **нет**

мольча (междометие) // *о-о, мольча, ти уработалса совсем* | СРНГ дает как *сиб.*, нет зафиксированных употреблений западнее Урала

морда ‘плетеная ловушка, сеть для ловли рыбы’ | Даль дает значение ‘рыболовная морда’ с пометой *сев.-вост.* и под вопросом — *мордов.?*; СРНГ *арханг., олон., сев. и др.*

навилить ‘насовсем’ // *навилить усла* ‘ушла насовсем’ | СРНГ — **нет**

олюска ласковое обращение, как к ребенку, так и к взрослому | СРНГ — **нет**

опуван ‘рисунок по подоле парки’ | СРНГ — **нет**

палёмка ‘маленький нож для вырезания узора’ | СРНГ *якут., сиб., индигир., забайк.* — нет европейских употреблений

пелитса ‘воображает’ // *ой пелитса она перед нами!* | СРНГ — **нет**

поголыхали ‘попели’ | ср. Даль ‘поголдить, поголчить — побаять, погутроить сообща’

призэнники ‘пирожки’ // *призэнники траписасны* ‘пирожки, сделанные из двух сортов рыбы: вместо теста — масса из растолченной рыбы, начинка — нельма с икрой’ | СРНГ — **нет**

рептует ‘ревнует’ | ? ср. Даль *рептух* ‘торба, из которой извозчики кормят лошадей’

- повдуга** 'оленья замша' | Даль дает как обычное русское слово — шкура, выделанная под замшу, с пометой: в Сибири оленья шкура
- саглаетка** 'сплетница'
- саглы** 'челюсти' (то же, что *санки*)
- седрая** 'гордая, воображая'
- седрится** 'воображает; подбадривает себя вскриками в танце'
- сендуха** 'гладкое, нехолмистое место, тундра'
- соткари** 'зимние мужские торбаза, с лохматыми подошвами из оленьих подушечек'
- тазно** 'давай': *тазно пойдем вечерить*; *тазно не ходи* | < должно?
- темера** 'задница, задняя часть'
- тильтиком** 'голышом'
- тирканы** 1. 'две палочки, воткнутые в землю' (ловушка для горностая),
2. 'редкие зубы' (вар. *чирканы*)
- тёрба** 'гусеница'
- урас** 'мокрец (сорная трава)'
- хагды** 'значит'
- хеликсатка** 'грязнуля'
- хеликсацкая** 'неряха'
- хируч** 'веник из кустарника'
- юсоватая** 'кокотливая' — ср. юшить
- юхала** 'сушеная рыба (толще и менее сухая, чем *юкола*)' | Даль юхала или юхнала *камч.* 'вяленая рыба, бочок рыбы'
- юшить** 'когда мужчина с женщиной любятся' | слово зафиксировано в словаре архангельского областного наречия Подвысоцкого в форме **юсить**. Однако нельзя исключать и параллельного существования какого-то заимствования.

При анализе лексики марковского говора, далее, бросается в глаза сходство большинства слов с лексикой сходных по типу смешанных поселений на северной Камчатке (камчадальский язык), на Колыме (язык колымских русских), на Индигирке (язык Русского Устья) и далее до реки Вилюй на западной границы Якутии (язык русских Вилюйского округа). Эти параллели были давно замечены исследователями; так, еще в начале XX века В. М. Зензинов (1914: 158) отмечал сходство марковских и русскоустинских (Индигирка) слов:

Индигирское	Марковское	Значение
досельный	досельный	'прежний'
кабыть	кай быть	'кое-как, как-то, нормально'
заболь	забуль	'верно, действительно'
дичает	дикует	'болеет полярной лихорадкой, «мерячит»'

Материалы по языку русских Вилюйского округа (Маак 1886: приложение к с. 56: ii), то есть района центральной Якутии, доволь-

но удаленного от наших районов — дают лексические параллели с Колымой (Богораз 1901), Индигиркой (Биркенгоф 1972) и Марковым, ср.:

Виллой	Колыма	Индигирка	Марково	Значение
взаболь	взаболь	взаболь	взаболь	‘действительно’
ушкан	ушкан	ушкан	ускан	‘заяц’
доспеть	доспеть	доспеть	доспеть	‘сделать’
уросить	уросить	уросить	?	‘капризничать, не получаться; отказываться’
шелюкан	шелюкан	?	?	‘нечистый дух (В.): водяной дух (К.)’

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы также подтверждают эти наблюдения. Из уже упомянутого списка примерно в 170 слов, которые современные марковцы считают «словами марковского говора», 40 слов находят прямые параллели в колымском и камчадалском говорах, еще 40 — в колымском и еще 17 — в камчадалском (сравнение проводилось по словарям В. Г. Богораза (1901) и К. М. Браславца (1977)). Отсутствие параллелей в одном из языков при наличии параллелей в двух других объясняется скорее всего просто неполнотой записи материала. Ср.:

Колыма	Камчатка	Марково
биток ‘берестяной туесок конической формы для сбора ягод’	биток ‘туесок для ягод’	биток ‘заплетенная посуда или корзина для сбора ягод’
дивья ‘дай Бог’ — ср.: Дивья бу по твоим словам так бу и сбилось	дивья ‘хорошо’, дивья бу ‘хорошо бы’	девя ‘хорошо, верно, правда’ — ср.: Хорошо спели! — Девья!
кибась ‘грузило на неводе или сети’	кибас ‘грузило на неводе’	кибась ‘поплавки на сетях, металлические грузила на сетях’
лихо ср. мне лихо ‘мне дремлется’	лиховать ‘хотеть спать’	лихо ‘хочется спать’
палёмка ‘нож для кроения’	пальма, палёмка ‘широкий нож’	палёмка ‘маленький нож для вырезания узора’
поварня ‘нежилая избушка на тракте для отдыха путников’	поварня ‘коптильня для рыбы’	поварня ‘сарай для хранения продуктов’
сендуха, сентуха ‘пустыня’	сендух ‘пустырь’	сендуха ‘гладкое, нехолмистое место, тундра’
юхала ‘рыба, расколотая по длине и высушенная’	юхала ‘то же’	юхала ‘сушеная рыба’

Итак, с чисто лингвистической точки зрения перед нами особый говор, корни лексического состава которого уходят, с одной стороны,

в северно-русские говоры, с другой — в языки местных коренных народов: якутов, эвенгов, юкагиров, чукчей. Этот говор лексически имеет много общего с говорами других смешанных поселений — камчатальским, колымским, индигирским и прочими. (Я не касаюсь сейчас фонетики и грамматики этого говора по ряду причин, о некоторых из которых — ниже).

Обратимся теперь к социолингвистической стороне вопроса, то есть к функционированию марковского говора в современной общине села Марково.

Точка зрения общины

Прежде всего, жители Маркова, родившиеся в поселке, утверждают, что марковский говор широко используется и значительно отличается от стандартного русского языка — вплоть до непонимания русскими речи на марковском говоре. Информантка (1940 г. р.) сказала: «Женщины выходят замуж на русских мужчин, и те начинают говорить по-марковски». Еще одна информантка (1948 г. р.) утверждала: «Сегодня все, даже дети, говорят на марковском языке». Информант (1926 г. р.) на вопрос, говорили ли прежде на каком-нибудь местном языке, ответил: «И сейчас говорят».

Вот два более развернутых высказывания на эту тему.

Информант 1948 г. р.: [Я спрашиваю об особенностях приемов охоты].

Эти все приемы, если их отдельно вспоминать, как-то не так выглядят — точно так же, как этот наш говор. Я один с трудом вспоминаю слова этого говора, марковского, еропольского⁶. Но в разговоре со своими родственниками из Чуванска, из Ламутска я незаметно для себя на него перехожу. Я с детства разговаривал так. В институте надо мной посмеивались — но в школе нам ведь прививали правильный русский язык. Поэтому я без труда его [марковский говор] забыл. Так же без труда я его вспоминаю — вот в тундре я спокойно разговариваю, но вот когда я один — говорить на нем мне трудно. Хотя слова эти я помню. Но их даже и перевести трудно, хотя в той обстановке [на охоте] они точно передают те понятия, которые хочешь выразить.

Информантка 1954 г. р.:

Вот наша семья может стоять разговаривать — нас никто не поймет. У нас свой язык. Иногда мы на нем говорим, когда секретничаем. Мы уважаем свой язык, любим. Мы одни остались, кто его помнит. Нас никто не поймет. Больше в Марково никто его не понимает. Мой муж понимает по-нашему. [Прошу сказать пару слов на этом языке.] Ну, что я буду говорить, вот если бы вы услышали эту речь, а что слово одно говорить. Если мы с братьями собираемся, мы на этом языке говорим. А больше эту речь вы нигде не услышите.

Из всего изложенного вырисовывается, казалось бы, вполне тривиальная картина: более или менее изолированная группа населения,

причем группа этнически смешанная, сохранившая отчасти в законсервированном виде говор одной части своих предков с добавлением заимствований из языков другой части своих предков, использует этот говор для общения внутри языкового коллектива и параллельно использует стандартный, выученный в школе русский язык для общения с внешним миром. Ничего нового в этой ситуации нет: она повторяется тысячи раз на всех континентах и в разнообразных языковых ситуациях. Что же заставляет отнести к этой конкретной ситуации как к нетривиальной?

Дело в том, что, в отличие от того, что утверждают сами жители, **никакого марковского говора как языка внутриобщинной коммуникации не существует**. С точки зрения внешнего наблюдателя, существование марковского говора — чистый миф. Этот язык **не используется** в повседневной речевой практике. В течение всего периода нашей полевой работы нам ни разу не удалось услышать, как люди реально **говорят** на этом языке. При этом мы множество раз слышали, как люди **утверждают**, что они (или кто-то другой) говорят на нем, или как они **имитируют** свою (или других людей) речь на этом языке, но никогда — как на нем разговаривают.

Очевидно, когда-то в прошлом этот говор существовал, но прошлое это не так близко, как могло бы показаться. В материалах Г. В. Зотова (1963: 12 и сл.) приводятся пространные повествовательные тексты («образцы диалектной речи, записанной на магнитофон от некоторых жителей села»). В этих текстах на двенадцати типографских страницах нет **ни одного** слова, которое трактовалось бы нашими информантами 1998 года как «слово марковского говора»: это тексты на русском языке с определенными (скрупулезно описанными Г. В. Зотовым) фонетическими особенностями. Публикатор применяет для передачи фонетических особенностей текстов своеобразную транскрипцию — ср. отрывок текста (слева с сохранением авторской транскрипции, справа — в стандартной орфографии):

Авторская запись	Стандартная запись
От'Эц у м'ин'Э с Кулум'И пр'исОу, а д'Эда йА ус н'э зНАЙу, от'Эц-то с Кулум'И... А зд'Эс' он зэн'Илс'а, ц'увАнку вз'Ау	Отец у меня с Колымы пришел, а деда я уж не знаю, отец-то с Колымы... А здесь он женился, чуванку взял

В опубликованных фольклорных материалах К. М. Браславца (1975) приведены, помимо собственно текстов, и записи диалогов рассказчика с собирателем, вводные слова рассказчиков, вставки, сделанные рассказчиками от себя в фольклорные тексты и т. п., и во всем приведенном материале, как в самих текстах, так и во вставках, встретилось только одно слово, которое попало в 1998 году в наш список, а именно слово *соткариски* «сапожки». В остальном это стандартный русский язык в некотором диалектном фонетическом варианте, с учетом некоторых

особенностей организации текста, свойственных устной речи; ср. начало сказки про Царевну-лягушку:

Авторская запись
«Самой меньшой стрэлил — у нею упала в морэ. Стрэла-то. Это хто такоё? У них хоросо упали, у одноо миня море. Отцео это?»

Стандартная запись
«Самый меньший стрелял — у него упала в море. Стрела-то. Это что такое? У них хорошо упали, у одного меня [в] море. Отчего это?»

Современные марковцы иногда вставляют в свою вполне русскую речь отдельные слова, обязательно оговаривая, что это — «по-нашему», как бы **демонстрируя** свой язык. Ср.: информант описывает правила разделки рыбы: «...отбрасывается эта кость, **коска** у нас называется, ее потом сушат собакам...». Или информанты А. и О., муж и жена, оба ок. 1935 года рождения, рассказывают, перебивая друг друга, о том, как говорили «в старину». (А.): *родители мои так и разговаривали, баяли...* (О.): *...казацкий язык, как его называют.* (А.): *другие не понимают, когда мы говорим, тогда мы с ними объясняемся по-русски. Но сейчас уже совсем забыли, не баим.* Другая информантка произносит некоторые слова подчеркнута «по-марковски», улыбаясь при этом (она изображает, имитирует говор): *Жили абсолютно беззаботно, весело, друг к другу в гости ходили, **тяй** варили и пили, если было с чем. Слово чай сознательно «подается», демонстрируется в своеобразном фонетическом варианте. На вопрос, отличаются ли люди из других, мелких поселков (Еропол) от марковских, еще одна информантка сказала: Чуванцы — они в своем соку варились, свои обычаи у них. Вот был Еропол — у них иначе. У нас [т. е. в Маркове] говорят **пусай** — не «пускай», а **пусай: мольча пусай**. А там говорят **мольча пушай**. У них говорок другой.* Здесь общеизвестный маркер, автостереотип «марковского говора» *мольча пусай* используется для подчеркивания отличий этого говора от говора соседнего поселка⁷.

Возьму на себя смелость утверждать, что в поселке Марково сегодня нет ни одного человека, который не то чтобы *мог использовать* этот говор в качестве средства коммуникации — такие люди, возможно, есть, — а *реально использовал бы* его. Более того, нет ни одного человека, который помнил бы хотя бы четверть тех слов, которые оказались в списке слов, упоминавшемся выше.

История этого списка слов сама по себе интересна. Фактически список не был собран в ходе полевой работы — во всяком случае, не так, как лингвист обычно собирает лексические материалы по языку. Этот список был **составлен** на протяжении некоторого, довольно длительного времени двумя учительницами марковской школы. Составители опирались на собственную память, ходили по домам, опрашивали других марковцев, терпеливо пополняя свой список словами, которые им или другим жителям удавалось вспомнить. С разрешения одной из учитель-

ниц я скопировал список и затем добавил в него несколько слов, которые там отсутствовали, но попались в ходе интервью.

На практике каждый житель Маркова в ответ на соответствующую просьбу способен вспомнить несколько, обычно пять — шесть слов, причем слова эти почти всегда одни и те же: **баить** 'говорить', **гуришь** 'говоришь', **олюска** 'ласковое обращение к ребенку', **мольча** 'междометие с неясным значением', **седрая** 'заносчивая, жеманная'; может быть еще несколько. Слова **баить** и **гуришь** — явные автостереотипы, то есть слова, немедленно приходящие на ум информанту. Когда просишь сказать «что-нибудь по-марковски», информант произносит эти два слова и добавляет: «Вот так мы и говорим». Ср. ответ информантки на вопрос, понимает ли она по-марковски: «Я понимаю **'баить'**, [потому что] *меня воспитывали, удочерили [оседлые чуванцы], когда родители умерли*».

Если продолжать расспросы, информант вспоминает еще несколько слов, преимущественно экспрессивных или обценных: **юшить** 'когда мужчина с женщиной любятся', **юсоватая** 'похотливая', **кепля** 1. 'рыба, из которой вынуты кости', → 2. 'шатающийся пьяный', и т. п. Если собиратель проявляет настойчивость, информанты имитируют характерную протяжную интонацию (действительно очень необычную для русского уха), используя при этом фразу, практически лишенную полнозначных слов, что-нибудь вроде «*Ой ну да ты совсе-е-ем!*», или просто выпевая одно протяжное, особым образом интонированное междометие типа «*А-а-э-э-э!*» Ср. отрывок из интервью с одной информанткой: «*Они между собой разговаривают, вот, две женщины [имитирует говор, в основном интонацию]: "Ой погода-то худа была! — О-о-о, чего ты гуришь?" — вот так они растягивают. Сейчас нам смешно, а тогда я по-местному разговаривала*».

Последнее утверждение вызывает сомнение. Несколько раз нам удалось собрать вместе людей, каждый из которых утверждал, что говорит по-марковски, но ни разу никто из них не пошел дальше **имитации** марковской речи.

Кажется очень показательным, что список слов, который уже неоднократно упоминался, существует и ходит по поселку в письменной форме. Трудно передать выражение застенчивой гордости на лице учительницы, когда она выдвинула ящик письменного стола и достала этот список, чтобы показать мне. В каком-то смысле для местных жителей эти несколько листочков бумаги, выданные из ученической тетради и заполненные разными почерками, разными чернилами и в разное время, **и есть марковский говор**.

И тем не менее цитированный выше информант совершенно прав с некоторой определенной точки зрения, когда говорит: «*Я один с трудом вспомню слова этого говора... Но в разговоре со своими родственниками... я незаметно для себя на него перехожу*». По всей видимости, когда этот человек разговаривает со своими родственниками, с близкими в

привычной, комфортной и не требующей напряжения обстановке, ему достаточно вставить в свою совершенно чистую русскую речь одно-два специфических слова, или особым образом интонировать высказывание, опираясь на междометия, частицы и вводные слова, или даже просто протянуть характерное «А-аэ-э-э!» — как тут же и он, и его собеседники ощущают, что «перешли на марковский». И не важно, что все остальное произносится на стандартном русском, выученном в школе, — марковский говор, по мнению собеседников, прозвучал. Потребность «перейти на марковский говор» в описанном выше смысле, по-видимому, очень сильна и возникает в определенной обстановке и с определенными собеседниками. Марковский говор, без сомнения, относится к тому, что Иржи Смолич назвал базовыми ценностями культуры (core values of culture), которые «играют роль идентифицирующих ценностей, символов группы и членства в ней» (Smolicz 1992: 279).

Или ср. высказывание одной из информанток: *Сейчас не разговаривают, мы с Мотей только, редко, для смеху. Отвыкли [имитирует, «показывает» несколько фраз на марковском говоре] хиусно... ой-то убрдно, не дай Бог... Поплывом, однако... Тэй варил? Вот так они и разговаривали.* То есть две пожилые женщины, собравшись вместе, могут «для смеху» вспомнить две-три фразы на марковском говоре, обменяться друг с другом этими фразами, освежить в памяти облик когда-то существовавшей речи, однако информантка, говоря о «разговаривании» на этом языке, использует прошедшее время.

Функции марковского говора

Итак, с точки зрения внешнего наблюдателя, марковский говор не существует как средство коммуникации. На нем не говорят, однако о его существовании помнят, к нему относятся с нежностью, его явно рассматривают как важный отличительный маркер «своих». При этом, с точки зрения жителей Маркова, по крайней мере большинства из них, этот говор существует и используется как полноценное средство общения, но это якобы происходит только в своей среде, подальше от посторонних ушей.

Чем-то похожие ситуации зафиксированы и для других частей света — например, языковая ситуация в городе Момбаса в Кении, описанная в статье Venji Wald (1985).

Момбаса — большой приморский портовый город, с пестрым и многоязычным населением. Каждая из многочисленных языковых групп живет компактно; здесь, как и вообще в Восточной Африке, национальность устойчиво ассоциируется с языком. Эта разноязыкая, многонациональная масса «склеена» с помощью суахили. Суахили не родной язык для большинства групп, каждая из которых двуязычна на собственном родном языке и на суахили. Среди групп населения есть одна группа, для которой суахили — родной. Эту группу автор называет *момбаса суахили*

(МС). Говорящие на МС не отождествляют стандартный суахили и МС. Для них суахили — язык СМИ и школы, а МС, который сами говорящие называют *кимвита* (kiMvita) — символ самосознания всех членов общности. Этим языком гордятся, подчеркивают его особость, непохожесть на внешний — притом что его реальные отличия от стандартного невелики. Кимвита как бы специально, намеренно, искусственно выделен из стандартного суахили, немногочисленные его отличия всячески подчеркиваются. То есть здесь, как в Маркове и как и во множестве других ситуаций, не структурные, а социолингвистические черты определяют, будут ли два языка считаться одним, или, напротив, один язык восприниматься как два.

Можно привести и другие параллели. Дон Кулик (Kulick 1992: 2–3) в своей книге рассказывает о документированном случае сознательно-го манипулирования языком жителями деревни в Папуа Новой Гвинее: жители собрались на деревенский сход и постановили, что с этого момента они будут говорить иначе, чем жители соседних деревень, чтобы от них отличаться. Для этого они решили с этого дня изменить произношение одного слова и говорить отныне не *bia* ‘нет’, а *biŋe*.

Таким образом, один вариант языка может минимально отличаться от другого и при этом восприниматься носителями языка как «самостоятельный язык». Это происходит в том случае, когда в иерархии языковых функций резко возрастает, в силу каких-то внешних причин, роль функции самоидентификации говорящих. Тогда именно отличия «нашего» от «чужого» выходят на первый план, поскольку именно эти отличия выполняют функцию поддержания identity. Человек, говорящий *biŋe* вместо *bia*, будет при этом считать, что «говорит иначе»; более того, человек, *знающий*, что нужно говорить *седрая* вместо *капризная* или *тяй* вместо *чай*, даже если он реально так и не говорит, а лишь обозначает, имитирует такую речь, — такой человек также может считать, что говорит «на другом языке».

В случае с марковским говором мы имеем дело, конечно, не с искусственным одномоментным «созданием» нового языка, как в Папуа Новой Гвинее, а с постепенной нивелировкой вполне реального в прошлом говора, который обладал, видимо, когда-то своеобразной фонетикой, лексикой, возможно, и рядом грамматических черт. С течением времени марковский говор утрачивал эти отличительные признаки, и наконец наступил момент, когда все жители поселка, все носители говора перешли на вполне стандартный русский язык, перестав использовать свой говор как средство коммуникации. Марковский говор **как средство коммуникации** прекратил свое существование, однако означает ли это, что марковский говор следует отнести к исчезнувшим языкам?

Как известно, язык имеет различные функции; тот или иной вариант списка языковых функций можно найти в любом учебнике по языкознанию⁸. В ситуации языкового контакта, двуязычия и «соперничества» двух

языков (или языковых вариантов), которая обычно предшествует языковому сдвигу, можно представить себе язык или вариант языка, который сохранил не все, а только некоторые из перечисленных функций. Например, язык может частично утратить функцию контроля над реальностью, то есть перестать использоваться как язык шаманского или религиозного ритуала, но при этом он может сохранить все остальные. Будем ли мы в этом случае считать, что язык умер? Скорее всего, нет.

Почему мы реагируем по-другому, когда язык утрачивает *коммуникативную* функцию? Почему утрата коммуникативной функции приравнивается к утрате языка⁹? Существует, как минимум в качестве гипотезы, идея Ю. М. Лотмана, что коммуникативная функция языка — далеко не главная (Лотман 1988; 1996). Лотман показывает, что естественный язык как раз довольно плохо приспособлен для выполнения того, что обычно считают его основной функцией, — для полной и точной передачи некоторой информации от индивида к индивиду. К этому значительно лучше приспособлены искусственные языки. По Лотману, две другие, значительно более важные функции языка — творческая функция (язык и текст на языке как генератор новых смыслов) и функция памяти (язык и текст на языке как память о предшествующих контекстах).

Для нас сейчас несущественно, эти или другие функции мы обнаружим у языка; мы также оставляем за скобками вопрос о том, как соотносятся функции, выделенные Ю. М. Лотманом, и функции, выделенные Дэвидом Кристалом (Chrystal 1987). Важно, что утрата коммуникативной функции, когда язык перестает использоваться как средство общения, не равнозначна автоматически утрате языка.

Можно представить себе язык, который сохранил функцию поддержания этнической, социальной или культурной identity (то есть с помощью языка люди идентифицируют себя как членов той или иной этнической, социальной или культурной группы) и больше не сохранил никаких функций. Для исполнения этой функции языку необходима некоторая минимальная структура — какой-то лексикон, какая-то фонетика, возможно — минимальная грамматика. Лексикон может существовать в виде списка слов, типа того, о котором уже было сказано, фонетика — в виде особой интонационной модели, грамматика — в виде, например, особого управления при некоторых глаголах, воспринимаемого носителями как яркий признак «нашего языка». В пределе такой минимальной структурой, обслуживающей функцию identity, может стать одно слово, автостереотип, отличающийся от стандартного языка, — типа слова ‘нет’, сознательное изобретение которого жителями новогвинейской деревни описывает Дон Кулик.

По-видимому, при анализе процессов языкового сдвига и языковой смерти необходимо подходить к ситуации дифференцированно. Различные функции языка могут утрачиваться с различной скоростью; если это

так, то «безопаснее» говорить не о языковом сдвиге и языковой смерти, а об утрате языком тех или иных функций. Можно предположить, что в ситуации языкового сдвига первыми будут утрачиваться те функции, которые в данной культуре и/или в данной языковой ситуации считаются менее важными. Менее важной является, видимо, та функция языка, которая может быть выполнена другим языком или другим языковым вариантом; в этом отношении функция поддержания identity оказывается, видимо, в некоторых ситуациях важнее, чем функция обеспечения коммуникации.

Языки и языковые ситуации будут различаться по тому, какие функции являются для них главными: для разных языков иерархии функций окажутся различными. Точнее, различия будут лежать в соответствующих культурах и в конкретных языковых ситуациях: если в данной культуре коммуникативная функция языка воспринимается как главная, то утрата этой функции будет рассматриваться как «языковая смерть». Если, напротив, главной функцией языка в данной культуре считается, например, ритуальная, то с прекращением отправления обрядов на этом языке и с переходом в обрядовой области на другой язык носители культуры будут, естественно, рассматривать этот язык как мертвый и называть этот процесс «языковым сдвигом»: на языке, конечно, еще говорят, но для носителей данного (гипотетического) языка это не столь существенно¹⁰.

«Языковая смерть», таким образом, превращается в относительное понятие: с различных точек зрения один и тот же язык окажется и живым, и мертвым. Избежать этого парадокса можно, повторяю, если вместо понятия языкового сдвига, языковой смерти и т. п. использовать более точные понятия утраты тех или иных функций. Это, конечно, ставит лингвистов, занимающихся проблемами языкового сдвига, в сложное положение: часто довольно трудно или вовсе невозможно обнаружить, что язык по-прежнему поддерживает функцию identity, или игровую, или эмоциональную функцию, если на этом языке не говорят. Это особенно сложно в ситуации, когда процесс утраты языка зашел уже достаточно далеко, и особенно в ситуации, когда сдвиг произошел на генетически близкий язык или просто на вариант того же языка — как это случилось в Маркове. И тем не менее без учета этого, как мне кажется, невозможно доверять ни данным о числе языков, находящихся в угрожаемом состоянии, ни прогнозам числа языков, которым предстоит исчезнуть в следующем столетии.

Примечания

¹Статья написана в рамках коллективного исследовательского проекта, финансируемого американским Национальным фондом поддержки научных исследований (National Science Foundation, 1998–2000). Руководитель проекта — Петер Швайцгер (университет Аляски, Фербенкс), участники проекта — Е. В. Головкин и автор настоящей статьи. Я благодарен моим коллегам

Е. В. Головки, Г. А. Левинтону, Е. С. Масловой и В. С. Храковскому, которые прочитали первоначальный вариант этой работы и высказали ряд ценных и полезных замечаний.

² Говоря «этот район», я имею в виду обширные пространства, более 1,2 млн км², ограниченные с запада рекой Индигиркой, с севера и востока арктическим побережьем и с юго-востока — рекой Анадырь, северными районами Камчатки и Гижигинской губой.

³ Кроме автора в сборе полевого материала принимала участие М. В. Хаккарайнен.

⁴ Сокращения: Даль: В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1956; СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. М.; Л., 1965. Вып. 1. (изд. не завершено; 1999. Вып. 33); СлРЯ XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 1975. Вып. 1. (изд. не завершено; 1999. Вып. 24.). Ударение в словах обозначено подчеркиванием буквы.

⁵ Ср. тундр. юкаг. *ака*, *акаа* ‘старший брат’, эвен. *акан* ‘старший брат’; юкаг. *экаэ* ‘старшая сестра’, эвен. *эжэн* ‘старшая сестра’. Ю. А. Крейнович (1958: 271) приводит слово *ака* без ударения или долготы гласного; в словаре Вольфганга Феенкера (Veenker 1989) то же слово дано с конечным долгим [a:] — *акк̄а* ‘старшая сестра’.

⁶ Еропол — небольшой, ныне оставленный поселок неподалеку от Маркова, в нескольких десятках километров вверх по течению реки Анадырь. Чуванское, Ламутское — небольшие ныне существующие села к западу от Маркова. Эти и некоторые другие поселения объединяются в сознании современных марковцев в так называемый «марковский куст», то есть считаются принадлежащими к некоей единой территории.

⁷ Впрочем, в моем материале встретился один случай, когда слово «марковского говора» просто вставлено в речь без каких-либо оговорок, ср.: ‘И другой человек там ночевал, систёк [очаг; из *шесток*?] там сделан: доски, глина, чтобы вешать чайник или кастрюлю’.

⁸ См., например, список функций, которые приводит Дэвид Кристал в знаменитой кембриджской энциклопедии по лингвистике: *язык как средство выражения identity говорящего, язык как инструмент социального взаимодействия, язык как средство выражения эмоций, язык как средство игры, язык как средство контроля над реальностью, язык как средство фиксации фактов, язык как инструмент мышления* и, наконец, *язык как средство коммуникации* (Chrystal 1987). Этот список лишь один из возможных, и мы сознательно избегаем здесь его содержательного обсуждения.

⁹ Эта позиция эксплицитно выражена в статье Sasse (1992), ср.: «Окончательная стадия языковой смерти — это момент, когда язык А перестает использоваться для регулярной коммуникации» (Там же: 17). Мне это утверждение представляется слишком категоричным. Здесь все упирается в вопрос: что мы понимаем под языком, когда говорим о языковой смерти? Если под языком понимается коммуникативная система — тогда, конечно, Sasse прав; но мне кажется, что такое понимание языка слишком «материалистично» и создает

непреодолимые препятствия на пути к объяснению феномена языкового «долгожительства» — упорного нежелания вымирающих языков вымирать. Напротив, признание важности, наряду с коммуникативной, других функций языка и учет этих функций при анализе явления языковой смерти может, как мне кажется, многое объяснить в сложных и явно нелинейных процессах сохранения и утраты языка. Позволю себе здесь опереться еще на одного «классика»: Джошуа Фишман в одной из своих старых работ пишет: «...language can be vastly more than a means of communication. Obviously, language can also be a very powerful symbol (in this discussion, a symbol of identity) as well as a verity (a deity) in its own right» (Fishman 1977: 25).

¹⁰ Примером здесь может служить, видимо, «тоталитарный язык», основные функции которого — функция identity и функция контроля над реальностью. Коммуникативная функция или функция мышления никогда не были сильной стороной того, что разными авторами называлось «newspeak», «советский язык», «деревянный язык» или «язык третьего рейха». Утратив эти функции, советский язык исчез — хотя русский язык, вариантом которого он был, остался.

Литература

- Аникин 1990: *Аникин А. Е.* Этимологические заметки по русской сибирской лексике. Статья 1 // Русские старожильческие говоры Сибири. Томск, 1990.
- Бахрушин 1927: *Бахрушин С. В.* Исторические судьбы Якутии // Якутия: Сб. ст. / Под ред. П. В. Виттенбурга. Л., 1927.
- Биркенгоф 1972: *Биркенгоф А. Л.* Потомки землепроходцев. М., 1972.
- Богораз 1899: *Богораз В. Г.* Русское население на Колыме // Землеведение. 1899. Вып. 4.
- Богораз 1901: *Богораз В. Г.* Областной словарь русского колымского наречия // Сборник отделения языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1901. Т. 68. № 4.
- Браславец 1968а: *Браславец К. М.* Диалектологический очерк Камчатки. Южно-Сахалинск, 1968.
- Браславец 1968б: *Браславец К. М.* Фонетические черты говора обрусевших чуванцев // Материалы межвузовской конференции по проблемам советской литературы, фольклора и говоров Дальнего Востока. Хабаровск, 1968.
- Браславец 1975: *Браславец К. М.* О фольклоре обрусевших чуванцев села Марково на Анадыре // Вопросы теории русского языка и диалектология. Хабаровск, 1975.
- Браславец 1977: *Браславец К. М.* Словарь русского камчатского наречия. Хабаровск, 1977.
- Буцинский 1889: *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889.
- Вахтин 1998: *Вахтин Н. Б.* Исчезновение языка и языковая трансформация: заметки о метафоре «языковой смерти» // Типология. Грам-

- матика. Семантика: К 65-летию Виктора Самуиловича Храковского. СПб., 1998.
- Головин 1861: *Материалы* для истории русских заселений по берегам Восточного океана: (Замечания В. М. Головина о Камчатке и Русской Америке в 1809, 1810 и 1811 годах). Вып. 2: Приложение к Морскому сборнику № 2. СПб., 1861.
- Гондatti 1897: *Гондatti Н. Л.* Сведения о поселениях по Анадырю // Записки приамурского отдела Императорского Русского географического общества. 1897. Т. 3, вып. 1.
- Гурвич 1966: *Гурвич И. С.* Этническая история северо-востока Сибири // Труды института этнографии. Новая серия. М., 1966. Т. 89.
- Дьячков 1893: *Дьячков А. Е.* Анадырский край // Записки общества изучения Амурского края. Владивосток, 1893. Т. 2. [2-е изд. Магадан, 1992].
- Зензиков 1914: *Зензиков В. М.* Старинные люди у холодного океана. М., 1914.
- Зотов 1963: *Зотов Г. В.* К изучению русских говоров Магаданской области // Учен. зап. Магаданского пединститута. 1963. Вып. 1.
- Каменецкая 1986: *Каменецкая Р. В.* Русские старожилы в низовьях Индигирки // Фольклор Русского Устья. Л., 1986.
- Крейнович 1958: *Крейнович Ю. А.* Юкагирский язык. М.; Л., 1958.
- Лотман 1988: *Лотман Ю. М.* К современному понятию текста // Семиотика культуры: Тезисы докладов Всесоюзной школы-семинара по семиотике культуры... Архангельск, 1988.
- Лотман 1996: *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996.
- Маак 1886: *Маак Р.* Вилюйский округ Якутской области. СПб, 1886. Ч. 2.
- Майдель 1894: *Майдель Г. Л.* Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 гг. СПб., 1894. Т. 1—2.
- Маргаритов 1899: *Маргаритов В. П.* Камчатка и ее обитатели // Записки приамурского отдела Императорского Русского географического общества. 1899. Т. 5, вып. 1.
- Олсуфьев 1896: *Олсуфьев А. В.* Общий очерк Анадырской округи // Там же. 1896. Т. 2, вып. 1.
- Селищев 1921: *Селищев А. М.* Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921.
- Скворцов 1910: *Скворцов Е. Ф.* Русские на Индигирке // Топографический и геодезический журнал. 1910. № 11.
- Сокольников 1912: *Сокольников Н. П.* Болезни и рождение человека в селе Марково на Анадыре // Этнографическое обозрение. 1912. Кн. 90—91, № 3/4.
- Шаталов 1978: *Шаталов В. С.* На заре новой жизни: Записки участника комплексной экспедиции 1932—33 гг. Магадан, 1978.

- Шкловский 1892: *Шкловский И.* Очерки Крайнего Северовостока // Записки Восточно-сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск, 1892. Т. 2, вып. 2, ч. 1.
- Chrystal 1987: *Chrystal D.* The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987.
- Fishman 1977: *Fishman J.* Language and Ethnicity // Language, Ethnicity and Intergroup Relations / Ed. by Howard Giles. London a.o.: Academic Press, 1977.
- Kulick 1992: *Kulick D.* Language shift and cultural reproduction. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992.
- Sasse 1992: *Sasse H.-J.* Theory of Language Death // Language death: Factual and theoretical explorations with special reference to East Africa / Ed. by Matthias Brenzinger. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1992.
- Smolicz 1992: *Smolicz J.* Minority languages as core values of ethnic cultures: A study of maintenance and erosion of Polish, Welsh, and Chinese languages in Australia // Maintenance and Loss of Minority Languages / Ed. by Willem Fase, Koen Jaspaert and Sjaak Kroon. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1992.
- Veenker 1989: *Veenker W.* Tundrajukagirisches Worterverzeichnis. Opuscula Sibirica 1. Hamburg, 1989.
- Wald 1985: *Wald B.* Vernacular and Standard Swahili as seen by Members of the Mombassa Swahili Speech Community // Languages of Inequality. Mouton, 1985.